



## ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ



*А. В. Майоров*

### ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ ВРЕМЕН РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

#### 1. Пожертвование монастырю святого Петра

В синодике монастыря св. Петра, расположенного в тюрингском городе Эрфурте, есть упоминание о «короле Руси» Романе, сделавшем щедрый дар обители и приобщенном за это к лицам, которых ежегодно поминали во время заупокойной службы в день их кончины: «Тринадцатые кал[енды] июля. Роман, король Руси, он дал нам тридцать марок»<sup>1</sup>.

Эта запись может относиться лишь к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, потому что «тринадцатые календы июля», под которыми она помещена в синодике, соответствуют 19 июня<sup>2</sup> и именно в этот день в 1205 г. русский князь погиб в битве с польскими князьями Лешком и Конрадом под Завихостом<sup>3</sup>. В соответствии с церковной традицией, день гибели Романа должен был отмечаться как день его памяти<sup>4</sup>.

Необычное известие о Романе немецкого источника давно привлекает к себе внимание исследователей<sup>5</sup>. Было выдвинуто немало версий по поводу возможных причин, побудивших русского князя к щедрому жертвованию далекому католическому монастырю: тридцать марок равняются приблизительно семи килограммам серебра. Поступок Романа объясняли торговыми связями Юго-Западной Руси с Восточной Германией<sup>6</sup>, а также личными симпатиями галицко-волынского князя к католической церкви<sup>7</sup>. Строились предположения о наличии личных связей Романа с обителью в Эрфурте<sup>8</sup>. По мнению А. Б. Головки, можно допустить, что в детстве Роман в течение некоторого времени находился на воспитании у Эрфуртских монахов-бenedиктинцев<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> «XIII Kal. iulii. Romanus rex Ruthenorum, hie dedit nobis XXX marcas» (Necrologium sancti Petri Erfordensis // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften Deutscher Geschichten des Mittelalters. Hannover; Berlin, 1935. S. 517).

<sup>2</sup> Как известно, по римскому календарю, который использовали европейские средневековые хронисты, календами считался первый день каждого месяца, счет дней от которого велся в обратном порядке; таким образом, 13-е календы июля приходятся на 19 июня.

<sup>3</sup> Rocznik Traski / Ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. Т. II. Р. 836; Kalendarz krakowski / Ed. A. Bielowski // Ibid. Р. 923; Rocznik malopolski / Ed. A. Bielowski // Ibid. Lwów, 1878. Т. III. Р. 162.

<sup>4</sup> См.: Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 263–264.

<sup>5</sup> Первым из русских историков на нее обратил внимание Н. М. Карамзин (*Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 12-ти т. М., 1991. Т. II–III. С. 560. Примеч. 113*).

<sup>6</sup> Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 30.

<sup>7</sup> Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1917. Т. 123–124. С. 9.

<sup>8</sup> Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1. С. 269. Примеч. 27.

<sup>9</sup> Головки О. Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. Київ, 2001. С. 187.

Нам представляется, что приведенное известие требует более детального рассмотрения.

Прежде всего, следует отметить, что подобные дары иностранным монастырям, которые принадлежали к Западной церкви, не были каким-то исключительным явлением в практике древнерусских князей. Случались и более ценные пожертвования. Например, по данным Жития св. Марианна, основателя монастыря св. Иакова в Регенсбурге, один из монахов этой обители по имени Маврикий, посетив русские земли, получил от «короля Руси» и «вельмож самого богатого города Киева» большое количество драгоценного меха, который стоил сто марок, — этих денег хватило для завершения строительства монастыря<sup>10</sup>. Источник не приводит имени русского «короля»-жертвователя, но, по некоторым данным, им мог быть киевский князь Владимир Мономах<sup>11</sup>.

Тесные контакты с монастырем св. Пантелеймона в Кельне имела жена Мономаха Гида. Имя «королевы Гиды» обозначено в синодике этого монастыря<sup>12</sup>. Из другого источника — Слова о св. Пантелеймоне Руперта из Дойца — узнаем, что Гида «удостоилась стать сестрой» упомянутой обители «по щедротам своим»<sup>13</sup>. Следовательно, приобщению русской княгини к кругу лиц, которых поминали в монастыре, предшествовали щедрые пожертвования в его пользу, часть которых была благодарностью святому за чудесное исцеление сына Гиды Мстислава<sup>14</sup>.

Княжеские пожертвования иностранным монастырям случались и в истории Галицко-Волынской Руси. В папских буллах от 1216 и 1218 г. среди доходов венгерского монастыря св. Димитрия на Саве (Савасендемер) в Сремской Митровице есть упоминания о предоставлении ему какими-то «русскими королями из Галиции» (Rusorum Regibus apud Galiziam) ежегодного дохода в виде 13 кантар воска (что должно было составлять около 700 кг)<sup>15</sup>.

Имена этих князей в источниках искажены вследствие перевода первоначального текста с греческого на латинский язык и значатся как Василько (Basilic), Иван (Johann) и Владимир (Bladomero или Blaudemero). Вопрос об их идентификации остается дискуссионным. Иногда здесь видят не трех, а двух князей, которых отождествляют с сыновьями последнего галицкого князя из династии Ростиславичей Владимира Ярославича — Васильком и Иваном-Владимиром<sup>16</sup>. Но более убедительной представляется мысль, что известие относится к более раннему времени и в нем идет речь о теребовльском князе Васильке Ростиславиче, его сыне Иване Васильевиче и племяннике Владимирке Володаревиче<sup>17</sup>.

В пользу такого решения свидетельствует титулование князей в папских буллах как «королей». Трудно представить, чтобы такой титул папская канцелярия применяла к сыновьям Владимира Ярославича,

<sup>10</sup> Vita S. Mariani Scoti / Ed. J. Gamansius // Acta sanctorum quotquot toto urbe coluntur. Paris, 1864. Februarii. T. II. P. 369.

<sup>11</sup> Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.). С. 274. Примеч. 46. Ср.: Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий постоянной Историко-археологической комиссии Академии наук. Л., 1927. Т. I (34). С. 19—23.

<sup>12</sup> Rheinische Urbare: Sammlung von Urbaren und anderen Quellen zur rheinischen Wirtschaftsgeschichte. Bd. I: Die Urbare von S. Pantaleon in Köln / Hrsg. von B. Hilliger. Bonn, 1902. S. 18.

<sup>13</sup> Liber Bibliothecae S. Pantaleonis // Acta sanctorum quotquot toto urbe coluntur. Paris, 1868. Iulii. T. VI. P. 422. Оригинальный текст по другому списку и русский перевод см.: Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65—66.

<sup>14</sup> См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 585—616; Кучкин В. А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время. Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 50—82.

<sup>15</sup> Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram illustrantia. T. I / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. P. 9—11.

<sup>16</sup> Szaraniewicz I. Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichische Geschichte. Lemberg, 1872. S. 117—118; Грушевский М. С. История Украины-Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 454. Примеч. 2; Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes du X<sup>e</sup> au XIII<sup>e</sup> siècle. Roma, 1927. Tabl. III. P. 16—17, Tabl. XI; Isenburg W. K. von. Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Marburg, 1956. Bd. II. Tafel. 93; Włodarski B. Polska i Rus'. 1194—1340. Warszawa, 1966. S. 20. Przyp. 22; Schwennicke D. Europäische Stammtafeln. Marburg, 1984. Bd. II. Tafel. 129, 136; Grala H. Rurycowicze na Bałkanach w XII i XIII wieku // Balkanica Posnaniensia. Acta et Studia. Poznań, 1989. T. IV. S. 138; Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 50—51; Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 351, 474.

<sup>17</sup> Papp G. I monachi dell'ordine di S. Basilio in Ungheria nel secolo XIII // Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Ser. II. Roma, 1949. Vol. 1 (7). Fasc. 1. P. 41—45; Györffy Gy. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávasszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert // Studia Slavica. Budapest, 1959. T. V. Fasc. 1/2. S. 32; Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 167, 334. Примеч. 5; Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.). С. 269—270. Примеч. 27.

находившимся в изгнании в Венгрии и никогда не бывшим правящими князьями. Тем более это было невозможно, если упомянутые сыновья происходили от внебрачной жены князя (как считают некоторые исследователи<sup>18</sup>), поскольку в таком случае они были бастардами, т. е. вообще не имели законных прав на княжескую власть. Современник Владимира Ярославича краковский хронист Винцентий Кадлубек специально сообщает, что этот князь умер, «не оставив ни одного законного наследника»<sup>19</sup>. О незаконном статусе сыновей Владимира, рожденных от какой-то попадью, было известно и киевскому летописцу<sup>20</sup>. Маловероятно, чтобы об этом не знали в Риме и могли допустить подобную ошибку.

Как справедливо замечает А. В. Назаренко, пожертвование монастырю св. Димитрия могло быть осуществлено галицкими князьями в первой половине 20-х годов XII в., тем самым исследователь уточняет предыдущую более широкую датировку, предложенную Д. Дёрффи<sup>21</sup>.

## 2. Личные и политические мотивы княжеских пожертвований

Кроме личных и семейных мотивов к подобным поступкам русских князей побуждали, безусловно, также и политические причины. Об этом может свидетельствовать последний из рассмотренных нами случаев. Православный монастырь св. Димитрия был расположен на пограничной территории с многочисленным русским населением, в «Русской марке», как ее иногда именуют источники<sup>22</sup>. Следовательно, поддержка этого средоточия православия и русского влияния в Венгрии сама по себе имела политическое значение в отношениях с ней. Но, по-видимому, у упомянутого события были и другие основания.

Оно приходится на драматичный период во внешней политике Галицкой земли, когда ее князья оказались в очень сложном положении. По свидетельству целого ряда источников, как русских, так и иностранных, в 1122 г. перемышльский князь Володарь Ростиславич, брат Василька и отец Володимирка, был похищен воеводой Петром Властом по поручению польского князя Болеслава III Кривоустого. Чтобы освободить князя из плена, его родственники вынуждены были заплатить большой выкуп<sup>23</sup>. Кроме того, условием освобождения Володаря, вероятно, было также изменение внешней политики галицких князей, которые должны были отказаться от союза с Владимиром Мономахом и действовать против него на стороне Ярослава Святополковича, которого поддерживали поляки и венгры в борьбе за Вольнь<sup>24</sup>. Дар венгерскому монастырю, скорее всего, мог быть сделан именно во время пребывания Володаря в польском плену и потому нельзя исключать его связи с обстоятельствами освобождения князя<sup>25</sup>.

На наш взгляд, на пожертвование Романа эрфуртскому монастырю св. Петра также нельзя смотреть лишь как на проявление каких-то личных или семейных связей галицко-волинского князя с этой обителью (хотя полностью исключать этого также не стоит). Бенедиктинский монастырь святых апостолов Петра и Павла (таково его полное название) играл слишком значительную роль в политической жизни не только Тюрингии, но

<sup>18</sup> Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. II. С. 454; *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. S. 50–51; *Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти*. С. 351.

<sup>19</sup> *Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарий*. М., 1990. С. 110.

<sup>20</sup> ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 659–660.

<sup>21</sup> *Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований*. С. 269. Примеч. 27.

<sup>22</sup> См.: *Назаренко А. В. О «Русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье*. Сб. ст. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978.

<sup>23</sup> ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 292. Т. II. Стб. 286; *Ortlieb Zwifaltensis Chronicon* / Ed. O. Abel // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae*, 1852. Т. X. P. 91; *Herbordi dialogus de Vita Ottonis episcopi Bambergensis* // *Ibid.* Hannoverae, 1856. Т. XII. P. 726; *Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники*. С. 88–89, 101–102, 117–118. Примеч. 12.

<sup>24</sup> *Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu M. Kopernika w Toruniu. Nauki humanistyczno-społeczne*. Toruń, 1966. Zesz. 20. S. 51; *Пауцто В. Т. Внешняя политика Древней Руси*. С. 151–152, 331. Примеч. 5; *Koscielak L. Związki dynastyczne pomorskie-ruskie w XII wieku // Zapiski historyczne*. R. 1983. T. XLVIII. Z. 1. S. 196–198; *Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в.* Киев, 1988. С. 67–68; *Головко А. Б. Корона Данила Галицкого. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя*. Київ, 2006. С. 145–146; *Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти*. С. 330.

<sup>25</sup> *Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований*. С. 269. Примеч. 27.

и всей Германии. Основанный в середине XI в., он очень быстро превратился в один из самых богатых и привилегированных монастырей и время контактов с ним Романа находилось приходилось на период его расцвета и могущества<sup>26</sup>.

Монастырь св. Петра пользовался особым покровительством со стороны Штауфенов, в частности императора Фридриха I Барбароссы, сделавшего его одной из имперских резиденций, а также постоянной поддержкой влиятельных майнцских архиепископов, под властью которых длительное время находился город Эрфурт<sup>27</sup>. Этот монастырь играл выдающуюся роль во время борьбы Барбароссы с его главным соперником в Германии герцогом баварским и саксонским Генрихом Львом. В ноябре 1181 г. побежденный Генрих униженно просил прощения у Фридриха в монастырской церкви св. Петра, после чего был приговорен императором к ссылке на три года в Англию<sup>28</sup>.

При таких условиях почтительный поступок Романа относительно монастыря св. Петра, который, скорее всего, должен был состояться во время личного посещения русским князем Эрфурта, приобретал политическое значение, даже если был вызван какими-то другими причинами (например, частными). Ведь борьба Штауфенов с их главными соперниками Вельфами в Германии продолжалась и в конце XII — начале XIII в. разгорелась с новой силой. Тогда в ней принимали участие представители следующего поколения Штауфенов и Вельфов во главе с сыном Барбароссы королем Филиппом Швабским и сыном Генриха Льва императором Оттоном IV<sup>29</sup>.

Следует обратить внимание на еще одно важное для понимания значения Романова пожертвования обстоятельство. В средневековой западной, преимущественно немецкой, церкви существовал обычай формального членства правящих лиц в соборных капитулах и монастырях (так называемый *Königskanonikat*), который предусматривал отношения покровительства, а иногда даже участие в управлении капитулом или монастырем путем назначения викариев. Возникали подобные отношения в результате щедрого пожертвования или систематических взносов в интересах соответствующего церковного учреждения. Этот обычай в первую очередь имел отношение к соборам и монастырям, которые непосредственно были связаны с деятельностью германских королей или императоров и примерно с середины XII в. уже приобрел весьма широкое распространение<sup>30</sup>.

По-видимому, случай с Романом Мстиславичем также попадал под действие этого обычая<sup>31</sup>, особенно если его вклад в пользу монастыря св. Петра был сделан во время, когда Роман уже был правящим князем. Учитывая это, не случайной выглядит активная деятельность Ордена бенедиктинцев, к которому принадлежал монастырь в Эрфурте, в Южной Руси, развернутая им в первой половине XIII в.<sup>32</sup>

Но как бы то ни было, личные связи с монастырем св. Петра представляли собой определенные основания для втягивания галицко-волынского князя в политическое соперничество, которое развернулось в Германии в начале XIII в. Майнцские архиепископы, под управлением которых находился монастырь в

<sup>26</sup> О политическом и культурном значении монастыря и церкви св. Петра в Эрфурте см.: *Haenchen M.* Die entwicklungsgeschichtliche Stellung der Klosterkirche auf dem Petersberg bei Erfurt in der Baukunst des europäischen Hochmittelalters. Dresden, 2003; *Stiftung Thüringer Schlösser und Gärten: 700 Jahre Erfurter Peterskloster: Geschichte und Kunst auf den Erfurter Petersberg 1103–1803.* Regensburg, 2004.

<sup>27</sup> Подробнее см.: *Wolf S.* Erfurt im 13. Jahrhundert. Städtische Gesellschaft zwischen Mainzer Erzbischof, Adel und Reich. Köln, u. a., 2005 (Städteforschung, A. 67).

<sup>28</sup> Этим событиям посвящена значительная литература, из новейших работ см.: *Wolf G.* Friedrich Barbarossa. Darmstadt, 1975. S. 192; *Hiller H.* Friedrich Barbarossa und seine Zeit. München, 1977. S. 344–346, 401; *Wies E. W.* Kaiser Friedrich Barbarossa: Mythos und Wirklichkeit: Biographie. Esslingen, 1990. S. 279, 342–343; *Opll F.* Friedrich Barbarossa. Darmstadt, 1990. S. 133. Общую характеристику отношений Штауфенов с Вельфами времени Фридриха Барбароссы см.: *Appelt H.* Friedrich Barbarossa (1152–1190) // *Kaisergestalten des Mittelalters* / Hrsg. H. Beumann. München, 1985. S. 177–198; *Töpfer B.* Friedrich I. Barbarossa // *Deutsche Könige und Kaiser des Mittelalters* / Hrsg. E. Engel, E. Holtz. Köln; Wien, 1989. S. 159–187; *Ehlers J.* Friedrich I // *Die deutschen Herrscher des Mittelalters, Historische Porträts von Heinrich I. bis Maximilian I.* / Hrsg. B. Schneidmüller, S. Weinfurter. München, 2003. S. 232–257.

<sup>29</sup> См. об этом в разделе 8 настоящей работы.

<sup>30</sup> Обзор этого вопроса см.: *Borgolte M.* Die mittelalterliche Kirche. München, 2004. (Enzyklopädie deutsche Geschichte. Bd. 17). S. 82–83.

<sup>31</sup> *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 598.

<sup>32</sup> См.: *Altaner B.* Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts: Forschungen zur Geschichte der kirchlichen Unionen und der Mochammedaner- und Heidenmission des Mittelalters. Habelschwerdt, 1924. S. 208–225.

Эрфурте, в борьбе за имперский трон были последовательными сторонниками Штауфенов. Это относится и к периоду борьбы Филиппа с Оттоном, о чем имеются прямые указания источников<sup>33</sup>.

Таким образом, мы склоняемся к выводу, что дар Романа монастырю св. Петра и его возможное посещение Эрфурта следует оценивать прежде всего в контексте политических взаимоотношений галицко-вольнского князя с властителями Священной империи. Кроме уже приведенных фактов об этом свидетельствует известие из еще одного источника — французской хроники середины XIII столетия, составленной монахом Альбриком из аббатства Трех Источников вблизи местечка Шалон-сюр-Марнэ (Shalons-sur-Marne) в Шампани, где идет речь о непосредственном участии Романа Мстиславича в борьбе Штауфенов с Вельфами.

### 3. Сообщение Хроники Альбрика

Хроника Альбрика — весьма важный средневековый источник, который уже давно введен в научный оборот (в русской исторической науке он известен со времен Г. Э. Байера и В. Н. Татищева<sup>34</sup>) и широко используется исследователями, особенно при изучении истории международных отношений времен Крестовых походов. В Хронике излагаются события всемирной истории от сотворения мира и до 40-х годов XIII в.

Автор (иногда им считается неизвестный монах из аббатства Нэфмутье (Neufmoutier) в местечке Ги вблизи Льежа; выражается также мысль, что Альбрик в действительности был послушником именно этого аббатства) начал свою работу в 1232 г. и продолжал вплоть до собственной смерти, произошедшей после 1252 г. Хроника содержит много уникальных сведений и является одним из важных источников по истории Четвертого Крестового похода, в частности завоевания Константинополя в 1203—1204 г., и так называемых детских крестовых походов 1212 г. Информацию о Восточной Европе автор получал от разных лиц, в том числе от папского легата Якова из Пренеста, который в 40-х годах XIII в. посещал Венгрию и был хорошо осведомлен о европейской политике. Благодаря ему в Хронику попали сведения о переселении венгров в Паннонию и об их отношениях с половцами<sup>35</sup>.

Важным является еще одно обстоятельство. В Хронике содержатся многочисленные сведения о Польше XIII в., иногда совершенно оригинальные, что свидетельствует о возможности использования ее автором современных польских письменных источников, а также устных сообщений. Эти сведения вызывают повышенный интерес исследователей, обращающихся к ним по поводу разных вопросов истории Средневековья<sup>36</sup>. Вывод о непосредственном знакомстве Альбрика с польскими источниками подтверждается сопоставлением сообщений о походе Романа 1205 г. его хроники и ранних польских рочников, в целом очень близких по содержанию и духу, за исключением одной детали: конечной целью похода по версии французского хрониста была Саксония, тогда как польские источники об этом молчат<sup>37</sup>.

Итак, по свидетельству Хроники Альбрика, поход Романа в Польшу в 1205 г., закончившийся его гибелью в битве под Завихостом, в действительности был направлен в Саксонию: «Король Руси по имени Роман, который, выйдя из своих земель, намеревался через Польшу достичь Саксонии, чтобы, как мнимый

<sup>33</sup> Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum / Ed. J. M. Lappenberg // Monumenta Germaniae historica. Scriptorum. Hannoverae, 1868. Т. XXI. Р. 215—216.

<sup>34</sup> Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1 // Татищев В. Н. Сочинения: В 8-ми т. М., 1994. Т. I. С. 201.

<sup>35</sup> Scheffer-Boichorst P. Chronica Albrici monachi Trium fontium... // Monumenta Germaniae historica. Scriptorum. Hannoverae, 1874. Т. XXIII. Р. 631—643; Molinier A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494). New York, 1964. Т. III. Р. 90—91; Andrea A. J. Contemporary sources for the fourth crusade. Brill; Leiden; Boston; Koeln, 2000. Р. 265—276.

<sup>36</sup> См., например: Zientara B. Henryk Brodaty i jego czasy. Warszawa, 1975. С. 271; Ceremek B. Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wrocław, 1978. С. 178; Banaszkiwicz J. Kronika Dzierzwy: XIV-wieczne compendium historii ojczyzny. Wrocław, 1979. С. 164; Topolski J. Świadomość historyczna Polaków: problemy i metody badawcze. Łódź, 1981. С. 132; Labuda G. Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w Rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji. Poznań, 1983. С. 71, 82; Strzelczyk J. Szkice średniowieczne. Poznań, 1987. С. 63, 109; Satała Z. Poczet polskich królowych, księżnych i metres. Szczecin, 1990. С. 71; Wyrozumski J., Bukowski W. Cracovia—Polonia—Europa: studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Jerzemu Wyrozumskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej. Kraków, 1995. С. 474—475.

<sup>37</sup> Головки О. Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел // Terra cossacorum: Студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану професора Валерія Степанькова. Київ, 2007. С. 375—376.

христианин разрушить церкви, был разбит и убит по Божьему промыслу на реке Висле двумя братьями польскими князьями Лешком и Конрадом, а все его [войско] было или рассеяно, или уничтожено»<sup>38</sup>.

Историки уже давно обратили внимание на связь сообщения Хроники Альбрика и данных синодика монастыря св. Петра как известий, которые относятся к внешнеполитической деятельности Романа Мстиславича в последние годы его правления<sup>39</sup>. Исходя из этого В. Абрахам и М. Чубатый оценили события под Завихостом как эпизод борьбы за власть в Священной империи: галицко-волынский князь выступал в ней союзником короля Филиппа и следовал в Саксонию, чтобы нанести удар в тыл его противнику императору Оттону IV, но был остановлен на подорожье и погиб от рук союзников последнего — малопольского князя Лешка и его брата Конрада<sup>40</sup>.

Эта точка зрения получила поддержку у многих исследователей<sup>41</sup>, но не стала еще окончательно признанной. В частности, сообщению французского источника совсем не уделяется внимание в обширной немецкой историографии борьбы Штауфенов с Вельфами и связанных с этим вопросов внешнеполитического положения Священной империи в начале XIII в. В западноевропейской историографии Древней Руси сообщение Альбрика также игнорируется: события под Завихостом большинство исследователей трактуют лишь как русско-польский конфликт<sup>42</sup>. Некоторые историки сознательно отклоняют возможность саксонского похода Романа<sup>43</sup>, отдавая предпочтение сообщениям польских источников (в том числе позднейших) при изучении событий в 1205 г.<sup>44</sup> Поэтому приведем в пользу версии, представленной в Хронике Альбрика, некоторые дополнительные аргументы.

<sup>38</sup> «Rex Russie, Romanus nomine, a finibus suis egressus et per Poloniam transire volens Saxoniam, et ecclesias destruere volens sicut falsus christianus, a duobus fratribus Poloniae ducibus Listec et Conrado super Wisselam fluvium Dei iudicio percussit et occiditur, et omnes quos secum aggregaverat aut disperguntur aut interficiuntur» (Albrici monachi Triumfontium Chronikon. — 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae, 1874. T. XXIII. P. 885).

<sup>39</sup> Представляется, что первым из историков, кто сопоставил оба известия как относящиеся именно к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, был Р. Репель (*Roeppell R. Geschichte Polens*. Hamburg, 1840. S. 608. Ann. 5).

<sup>40</sup> *Abraham W.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. T. 1. S. 99–100; *Чубатый М.* Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії. С. 9–10.

<sup>41</sup> *Томашиівський С.* Історія України: старинні і середні віки. Мюнхен, 1948. С. 81; *Пауцто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 193; *Пауцто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 165, 221; *Rhode G.* Die Ostgrenze Polens. Köln; Graz, 1955. Bd. 1. S. 102; *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. Нью-Йорк, 1958. С. 56; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV в. М.; Л., 1959. С. 136; *Widera B.* 400 Jahre politische Beziehungen zwischen der Rus und Deutschland in der Zeit vor dem Mongoleneinfall // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, 1966. S. 30–31; *Щавелева Н. И.* Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 61–62; *Сеідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X–XIII ст. Київ, 1983. С. 78; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 65–66; *Сахаров А. Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М., 1999. С. 58; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.). С. 268–269; *Котляр М. Ф.* Данило Галицкий. Биографічний нарис. Київ, 2002. С. 53–54; *Котляр М. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 127–128; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 478–479.

<sup>42</sup> *Stökl G.* Russische Geschichte: von den Anfängen bis zum Gegenwart. Stuttgart, 1965. S. 108; *Stökl G.* Das Fürstentum Galizien-Wolynien // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1980. Bd. 1. S. 504–505; *Forssman J.* Die Beziehungen altrussischer Fürstentumgeschlechter zu Westeuropa. Ein Beitrag zur Geschichte Ost- und Nordeuropas im Mittelalter. Bern, 1970. S. 56; *Lammich M.* Fürstentumsgeschichten des 13. Jahrhunderts in den russischen Chroniken. Köln, 1973. S. 10; *Pickhan G.* Kiewer Rus' und Galizien-Wolynien // Geschichte der Ukraine. Göttingen, 1993. S. 34; *Pickhan G.* Roman (R. Mstislavič) // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1999. Bd. VII. S. 981; *Lübke C.* Außenpolitik im östlichen Mitteleuropa: Expansion und Hegemonie am Beispiel Polens und des Landes Halicz-Volyn (bis 1387) // Das Reich und Polen / Hrsg. von Thomas Wünsch. Großfeldern, 2003; *Lübke C.* «Germania Slavica» und «Polonia Ruthenica»: Religiöse Divergenz in ethno-kulturellen Grenz- und Kontaktzonen des mittelalterlichen Osteuropa (8–16. Jahrhundert) // Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa / Hrsg. von K. Herbers und N. Jaspert. Berlin, 2007. S. 185.

<sup>43</sup> Ср.: *Jasienica P.* Trzej kronikarze. Warszawa, 1964. S. 391–392; *Włodarski B.* Polska i Rus'. S. 23, 28; *Labuda G.* Dwa zamachy stanu w Polsce (1177–1179, 1202–1206) // Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. 1971. T. 82. S. 103–104; *Przybył M.* Władysław Łaskonogi, książę wielkopolski 1202–1231. Poznań, 1998. S. 64–65.

<sup>44</sup> *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. С. 87–88; *Головко О. Б.* Давньорусько-польські відносини на початку XIII ст. (про обставини загибелі галицько-волинського князя Романа Мстиславича) // Міжнародні зв'язки України. Наукові пошуки і знахідки. Київ, 1991. Вип. 1; *Головко А. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. С. 173–177; *Головко А. Б.* Корона Данила Галицького. С. 241–245.

#### 4. Начало контактов со Штауфенами и их союзниками

Союзнические отношения со Штауфенами издавна были в традиции галицких и волынских князей. По свидетельству Деяний Фридриха Барбароссы, в 1165 г. во время его переговоров с венграми в Вене чешский король Владислав II отрекомендовал императору неизвестного по имени русского князя, пренебрежительно именуемого «русским князьком» (*regulis Ruthenorum*): «... чешский король отрекомендовал кого-то из русских князьков, которого и привел к подчиненности ему (Фридриху. — А. М.)»<sup>45</sup>. Трудно сказать, кого именно имеет в виду немецкий источник. Скорее всего, новым вассалом германского императора мог стать либо галицкий князь Ярослав Осмомысл, либо кто-то из волынских князей<sup>46</sup>.

В 1189 г. при дворе Барбароссы получил пристанище и поддержку сын Ярослава Осмомысла Владимир, который только что бежал из венгерского плена. Признав над собой главенство императора, Владимир с его помощью вернулся в Галич<sup>47</sup>. Сам Роман Мстиславич был связан со Штауфенами семейными узами. На одной из представительниц этого рода в свое время был женат дед Романа Изяслав Мстиславич<sup>48</sup>.

Есть веские основания предполагать, что Роман также приходился свояком королю Филиппу Швабскому: по одной из наиболее аргументированных версий, они были женаты на родных сестрах — дочерях византийского императора Исаака II Ангела Анне и Ирине<sup>49</sup> (хотя вопрос о происхождении второй жены Романа остается спорным, некоторые исследователи даже отрицают ее византийское происхождение<sup>50</sup>).

А. В. Назаренко считает, что Роман Мстиславич был втянут в немецкие дела — борьбу Штауфенов с Вельфами — в 1204–1205 г.<sup>51</sup> Нам кажется, что это могло произойти и раньше, особенно ввиду того, что бракосочетание Романа с Анной, свояченицей Филиппа, должно было состояться не позже 1200 г., потому что в 1201 г. у них уже родился сын Даниил.

Во всяком случае, в течение 1203 г. политические контакты Романа с королем Филиппом и его окружением уже должны были приобрести полную силу.

К этому времени галицко-волынский князь уже стал одним из самых могущественных властителей Руси: он смог установить контроль над Киевом и в 1203 г. добился окончательной победы над своим главным соперником Рюриком Ростиславичем, урегулировал отношения с половцами, возобновил дипломатические связи с Византией и Венгрией<sup>52</sup>.

С другой стороны, в 1203 г. приверженцы Штауфенов вели активную работу по расширению собственной коалиции. Тогда же к ним присоединился и ландграф Тюрингии Герман — один из самых богатых и влиятельных немецких князей, который некоторое время под давлением папы колебался со своим выбором<sup>53</sup>.

У ландграфа Тюрингии были и собственные мотивы искать союза с могущественным русским князем. По данным Славянской хроники Арнольда Любекского, в 1203 г. чешский король Пржемысл II Оттокар,

<sup>45</sup> «Ubi rex Boemorum quendam de regulis Ruthenorum suae praesentiae obtulit eiusque illum ditioni subdidit» (*Gesta Friderici I. imperatoris auctoribus Ottone et Ragewino praeposito Frisingesibus. Appendix / Ed. R. Wilmas // Monumenta Germaniae historica. Scriptorum. Hannoverae, 1868. T. XX. P. 492*).

<sup>46</sup> Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії. С. 7; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 185; Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.). С. 271–272.

<sup>47</sup> ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

<sup>48</sup> Назаренко А. В. Первые контакты Штауфенов с Русью (К истории русско-немецких отношений в 30-е годы XII века) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 177.

<sup>49</sup> Войтович Л. В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 67, 71–72, 224, 376, 380–381, 402; Войтович Л. В. Роман Мстиславич і утворення Галицько-Волинського князівства // Галичина і Волинь в добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001 (Історичні та культурологічні студії. Вип. 3). С. 22–23; Войтович Л. В. Король Данило Романович. Загадки і проблеми // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 24–25; Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 484.

<sup>50</sup> Обзор мнений исследователей см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 34–40; Войтович Л. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського) // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2007. Вип. 1.*

<sup>51</sup> Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.). С. 269.

<sup>52</sup> Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 165, 182, 201, 213.

<sup>53</sup> Об этом выдающемся немецком правителе, известном покровителе поэзии и искусств, а также о его роли в противостоянии Штауфенов с Вельфами см.: *Neumeister P. Hermann I., Landgraf von Thüringen (1190–1217) // Deutsche Fürsten des Mittelalters / Hrsg. E. Holtz, W. Huschner. Leipzig, 1995. S. 276–291.*

пребывая в лагере Вельфов, вместе с венгерским королем Имре I напал на земли Тюрингии, пытаясь, очевидно, принудить ее правителя покинуть лагерь Штауфенов<sup>54</sup>. По данным другого источника — Деяний епископов Гальберштадтских — в нападении чешского короля на Тюрингию в 1203 г. принимали участие также отряды каких-то «варваров» (*barbarae*): «Потом король Оттон, ставший могущественнее вследствие благосклонности апостольской, призвав к себе на услужение народы богемов и варваров, опустошил всюду землю»<sup>55</sup>. Обозначение «*barbarae*» едва ли могло относиться к войску венгерского короля. Скорее, хронист имел в виду отряды наемных половцев<sup>56</sup>, хотя нельзя полностью исключать и возможности участия в этом походе наемного войска из Руси<sup>57</sup>.

Противники Штауфенов постоянно пытались расширить собственные ряды, привлекая на свою сторону правителей иностранных государств, а также иностранных наемников. Кроме чешского и венгерского королей Вельфов поддерживали английские короли Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный<sup>58</sup>, им удалось вовлечь в свой лагерь также короля Дании Кнута VI<sup>59</sup>.

При подобных обстоятельствах сторонники Штауфенов, разумеется, не могли сидеть сложа руки и также должны были искать союзников за пределами немецких земель. Их главным союзником в Западной Европе оставался французский король Филипп II Август, который долгое время воевал с Иоанном Безземельным<sup>60</sup>. Галицко-волынский князь Роман Мстиславич, имевший семейные связи с Филиппом Штауфеном, очевидно, также должен был рассматриваться последним как потенциальный союзник. К тому же венгерский король Имре I вплоть до собственной смерти в 1204 г. не только оставался противником Штауфенов и ландграфа Тюрингии, но также был врагом Романа, поскольку в войне между Имре и Андреем, сыновьями короля Беллы III, начавшейся после его смерти в 1196 г., русский князь принял сторону Андрея, — из-за этого Роман и Имре вели постоянную вражду<sup>61</sup>. Только после смерти Имре (30 ноября 1204 г.) Роман Мстиславич подписал с новым королем Андреем II соглашение о взаимной помощи и патронате над детьми обоих правителей в случае преждевременной смерти кого-то из них<sup>62</sup>.

## 5. Отношения с ландграфом Тюрингии Германом

Как военный союзник Роман был нужен также ландграфу Тюрингии Герману, особенно в то время, когда его земля подверглась вражескому нападению, как только что было отмечено. Но упомянутым обстоятельством не исчерпывается весь спектр возможных отношений правителя Тюрингии с галицко-волынским князем.

Ландграф Тюрингии имел также некоторые личные основания для союза с Романом. Брат и предшественник Германа Людовик Тихий был женат на родственнице галицко-волынского князя Софии Владимировне, первым мужем которой был датский король Вальдемар I<sup>63</sup>. По данным Славянской хроники Арнольда Любекского, этот

<sup>54</sup> Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum. P. 215–216.

<sup>55</sup> «Preterea rex Otto propter favorem apostolicum fortior factus, Boemis et barbaris nationibus sibi in adiutorium advocatis, terram undique est depopulatus» (Gesta episcoporum Halberstadensium. 781–1209. / Ed. L. Weiland // Monumenta Germaniae historica. Scriptorum. Hannoverae, 1874. T. XXIII. P. 116).

<sup>56</sup> *Novotny V. Ceske dejiny. Dil. I. St. III.: Čechy kralovske za Premysla I. a Vaclava I. (1197–1253)*. Praha, 1928. S. 254; Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII в.): В 3-х т. Прага, 1955. Т. 1. С. 82–83.

<sup>57</sup> Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії. С. 10.

<sup>58</sup> Подробнее см.: Ahlers J. Die Welfen und die englischen Könige 1165–1235. Hildesheim, 1987 (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens. Bd. 102).

<sup>59</sup> Glaeske G. Die Erzbischöfe von Hamburg-Bremen als Reichfürsten (937–1258). Hildesheim, 1962. S. 203–204.

<sup>60</sup> Holzapfel T. Papst Innocenz III., Philipp August, König von Frankreich und die englisch-welfische Verbindung 1198–1216. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1991 (Europäische Hochschulschriften. R. III. Bd. 460); Schaller H. M. Der deutsche Thronstreit und Europa 1198–1218. Philipp von Schwaben, Otto IV., Friedrich II. // Krönungen, Könige in Aachen — Geschichte und Mythos / Hrsg. von M. Kamp. Mainz, 2000. S. 398–406. См. также: Колесницкий Н. Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 156–159.

<sup>61</sup> Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 348. Примеч. 8.

<sup>62</sup> Włodarski B. Polska i Ruś. S. 25.

<sup>63</sup> София Владимировна, вероятно, была дочерью Владимира Всеволодовича (сына новгородского князя Всеволода Мстиславича) и Риксы (дочери краковского князя Болеслава III Кривоустого). См.: Баумgarten Н. А. София Владимировна, королева Датская и затем ландграфиня Тюрингенская // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1910. Т. VI. Ч. 1. С. 24–30; Баумgarten Н. А. София Русская, королева Датская, а затем ландграфиня Тюрингенская // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1931. Т. IV. С. 95–104; Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 147, 421. Генеалогич.



брак, заключенный в начале 1186 г., долго не продлился. Едва только начались осложнения в отношениях императора Фридриха I Барбароссы, дяди Людовика, с датским королем Кнудом VI, сыном Софии, ландграф Тюрингии расторг свой брак с бывшей датской королевой (конец 1187 г.), и она вскоре должна была вернуться в Данию<sup>64</sup>.

Требует внимания еще один важный фактор внешнеполитической деятельности ландграфа Германа, который мог влиять на заинтересованность правителя Тюрингии в установлении союзнических отношений с галицко-вольнским князем. Как один из основателей Немецкого (Гевтонского) ордена Герман много усилий прикладывал к его укреплению. В частности, он помог основать поблизости от тюрингского города Галле на Заале первый в Германии орденский административный округ — комтурство св. Кунигунды. Вскоре оно превратилось в главный оплот последующего распространения влияния ордена в Священной империи. В начале XIII в. под воздействием неудач в Палестине Немецкий орден вообще переориентирует свою деятельность на Юго-Восточную Европу, и главным объектом его миссионерских усилий на некоторое время становятся половцы<sup>65</sup>.

Видную роль в этих устремлениях играет именно окружение ландграфа Германа, в котором начинает выделяться один из его министралов, уроженец тюрингского местечка Лангензальца Герман фон Зальца, ставший вскоре четвертым магистром Немецкого ордена, с которым связывается его настоящий расцвет<sup>66</sup>. Энергичная деятельность Германа фон Зальца привела к тому, что венгерский король Андрей II предоставил Ордену земли на восточной границе Венгрии в Бурце (Трансильвания) с условием, чтобы рыцари защищали королевство от соседних половцев<sup>67</sup>.

В связи со сказанным не выглядит безосновательным предположение А. Н. Масана, что Герман фон Зальца по поручению своего сеньора ландграфа Тюрингии мог вести какие-то переговоры также и с Романом Мстиславичем (известным в Европе благодаря своим многочисленным победам над половцами) об установлении союзнических отношений и возможности скоординированной политики относительно Степи<sup>68</sup>.

Князья Южной Руси вообще достаточно благосклонно относились к деятельности католических орденов, предоставляя им возможность устраивать свои приходы и монастыри в русских городах. Об этом свидетельствует деятельность в Киеве в первой половине XIII в. доминиканского монастыря пресв. Богородицы, основанного св. Гиацинтом (Яциком) или еще до него<sup>69</sup>. Позже этот монастырь перешел к бенедиктинцам<sup>70</sup>. Ян Длугош под 1238 г. приводит сведения об основании доминиканского монастыря в Галиче: «В городе Галиче основывается монастырь братьев-проповедников, и там поселяются братья из Польской провинции [ордена]»<sup>71</sup>.

табл. 2. Примеч. 17; *Forssman J.* Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa. Ein Beitrag zur Geschichte Ost- und Nordeuropas im Mittelalter. S. 113; *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. I. S. 428 (Genealog. Tabl. von M. Hellmann); *Koscielak L.* Związki dynastyczne pomorskie-ruskie w XII wieku. S. 198; *Щавелева Н. И.* Польки — жены русских князей (XI — середина XIII в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 56; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 465. Таким образом, София Владимировна приходилась Роману Мстиславичу троюродной сестрой. Однако такая генеалогия принимается не всеми современными исследователями, ср.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.): тексты, перевод, комментарий. М., 2000. С. 180—181. Примеч. 17—19; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 582, 590.

<sup>64</sup> *Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum*. P. 158, 162.

<sup>65</sup> *Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400. Wien, 1954. S. 33 f.; *Miltzer K.* Die Entstehung der Deutschordensballeien im Deutschen Reich. Marburg, 1981. S. 31—34 u. a.; *Zimmerling D.* Der Deutsche Ritterorden. Düsseldorf; Wien; New York, 1988. S. 46.

<sup>66</sup> См.: *Lorck A.* Hermann von Salza: sein Itinerar. Kiel, 1880 (Reprint: Bad Langensalza, 2005); *Koch A.* Hermann von Salza, Meister des Deutschen Ordens: ein biographischer Versuch. Leipzig, 1885 (Reprint: Bad Langensalza, 2003); *Kluger H.* Hochmeister Hermann von Salza und Kaiser Friedrich II.: ein Beitrag zur Frühgeschichte des Deutschen Ordens. Marburg, 1987.

<sup>67</sup> *Машке Э.* Немецкий орден. СПб., 2003. С. 118; *Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав его истории. М., 2004. С. 58; *Zimmermann H.* Der Deutsche Ritterorden in Siebenbürgen // Die geistlichen Ritterorden Europas / Hg. J. Fleckenstein, M. Hellmann. Sigmaringen, 1980 (Vorträge und Forschungen. Bd. 26).

<sup>68</sup> *Масан О.* Недосліджені питання відносин між Україною та Орденською Прусією в XIII—XV ст. // Науковий вісник Чернівецького університету. Зб. наук. праць. Історія. Вип. 96—97. Чернівці, 2000. С. 45.

<sup>69</sup> *Abraham W.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. S. 69; *Шайтан М. Э.* Германия и Киев в XI в. С. 24—25.

<sup>70</sup> *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX—XIII в.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 129, 155—156; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.). С. 274—276.

<sup>71</sup> *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 364.

Таким образом, начало активных политических контактов Романа Мстиславича со Штауфенами и ландграфом Тюрингии, а также предполагаемое посещение галицко-волыньским князем Эрфурта, скорее всего, следует датировать временем не позже 1203 г.

По-видимому, еще некоторое время после этого Роман колебался с принятием окончательного решения о военном участии в борьбе Штауфенов с Вельфами. Сразу вести активные действия в Европе ему, наверное, мешали напряженные отношения с Венгрией, а также неопределенность расстановки политических сил в самой Германии ввиду участия значительного количества немецких рыцарей и сеньоров в Четвертом Крестовом походе и ненадежности союзников Филиппа из числа влиятельных европейских правителей. После завоевания Константинополя и возвращения домой немецких «пилигримов», среди которых большинство составляли именно сторонники Штауфенов, перевес в силах решительно склонился к последним<sup>72</sup>. Убедившись в этом и заключив союз с новым венгерским королем, Роман принял решение с оружием в руках встать на сторону своего немецкого родственника. Это и стало, на наш взгляд, главной причиной похода через Польшу в Саксонию летом в 1205 г., стоившего русскому князю жизни.

### 6. Хроника Альбрика о внешнеполитических связях Штауфенов

По мнению А. Б. Головки, склонного отвергать сообщение Хроники Альбрика как не заслуживающее доверия, «большой интерес историков к свидетельству французского хрониста о Романа Мстиславиче вызван во многом экзотичностью для Руси источника подобного происхождения»<sup>73</sup>. На наш взгляд, такое предположение основывается на недооценке значения хроники как источника, освещающего события, связанные именно с обстоятельствами Четвертого Крестового похода и его времени.

Наряду с выходцами из немецких земель главными участниками этого общеевропейского события были также французские и итальянские воины. Именно Франция стала страной, где призыв папы Иннокентия III к новому крестовому походу нашел наибольшее количество сторонников среди рыцарей и духовенства<sup>74</sup>. Более того, эпицентром событий, связанных с мобилизацией сил и подготовкой к походу, была Шампань, откуда происходило подавляющее большинство французских рыцарей, принявших в нем участие, которых возглавляли сначала граф шампанский Тибо III, а после его смерти — маршал шампанский Жоффрау де Виллардуэн<sup>75</sup>.

Напомним, что монастырь Трех Источников, где в 30-х годах XIII в. начал писать свою хронику монах Альбрик, был расположен именно в Шампани. Сюда вернулись многочисленные участники крестового похода, в том числе и его руководители, которые, по мнению исследователей, стали главными информаторами Альбрика, обеспечив его уникальными сведениями о некоторых обстоятельствах времен похода, которые нельзя найти в других источниках<sup>76</sup>.

Вот почему Альбрик обнаруживает «прекрасную осведомленность» именно в рассказах о событиях Четвертого Крестового похода, которую неоднократно отмечали исследователи<sup>77</sup>. Это касается не только деталей самого похода (например, французский хронист приводит наиболее полное и точное описание маршрута передвижения войск крестоносцев к Задару и Константинополю), но и внешнеполитических обстоятельств, которые влияли на его осуществление. Так, Альбрик сообщает о дворцовом заговоре в Константинополе 1195 г., в результате которого был свергнут и заключен в тюрьму император Исаак II, а также о побеге его сына Алексея к немецкому королю Филиппу. Под 1202 г. в хронике читаем: «С помощью какого-то надзирателя Алексей избежал уз смертных, бежал к Филиппу, герцогу Швабскому и королю Германии, и

<sup>72</sup> См.: *Thumser M. Die Staufer im Mittelmeerraum // Deutschland und Italien zur Stauferzeit. Göppingen, 2002 (Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst. Bd. 22). S. 71–92.*

<sup>73</sup> Головки О. Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. С. 177; Головки О. Б. Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел. С. 374.

<sup>74</sup> См.: *Angold M. The Fourth Crusade: event and Context. Harlow; New York, 2003; Phillips J. The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople. London; New York, 2004.*

<sup>75</sup> См.: *Жоффрау де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер. и комм. М. А. Заборова. М., 1993. С. 5–7, 12–14.*

<sup>76</sup> *Andrea A. J. Contemporary Sources for the Fourth Crusade. P. 265–276.*

<sup>77</sup> *Brand Ch. M. Byzantium Confronts the West (1180–1204). Cambr. (Mass.), 1968. P. 287; Grandsen A. Historical Writing in England. London, 1974. P. 329.*

спрятался у него, так как женой этого самого Филиппа была сестра Алексея. Поэтому, когда франкские паломники осадили Задар под предводительством венецианцев... воспользовавшись советом упомянутого короля Филиппа, Алексей послал к ним обращение... И многими мольбами и обещаниями изобразил дело свое таким образом: если они вернут ему трон императора, то он соберет достаточно провианта, кораблей и всего необходимого для освобождения Святой Земли»<sup>78</sup>.

Важным для нашего исследования является такой факт: Альбрик хорошо осознавал, что одним из центров подготовки и руководства Четвертым Крестовым походом был двор Штауфенов, который во время описываемых событий вообще превратился в ведущий центр европейской политики и дипломатии. Король Филипп решительно вмешался во внутренние дела Византии, предоставив поддержку своим низложенным родственникам<sup>79</sup>. В значительной степени благодаря усилиям Штауфенов Четвертый Крестовый поход изменил свое направление и цели и вместо Египта был направлен в Константинополь<sup>80</sup>.

Филиппу удалось также добиться того, что новым главнокомандующим войсками крестоносцев стал еще один его родственник и единомышленник — итальянский маркиз Бонифаций Монферратский, сменивший внезапно умершего в мае 1201 г. графа Тибо Шампанского<sup>81</sup>. В тайные планы Филиппа был посвящен его главный союзник в Западной Европе французский король Филипп II Август, которому Штауфен, в свою очередь, оказывал поддержку в борьбе с английским королем Иоанном Безземельным за возвращение из-под власти Англии французских земель. Под давлением Филиппа Августа французские бароны должны были согласиться с кандидатурой Бонифация<sup>82</sup>.

Следовательно, ко двору Штауфенов в начале XIII в. сходились многие тайные нити европейской политики, и король Филипп оказывал влияние на определение и изменение ее важнейших направлений. Эти нити тянулись как на запад, так и восток и юг Европы, поскольку основной целью немецкого короля стала Византия, а главными союзниками в ее осуществлении — Франция, а также Венеция.

### 7. Отношения с византийским императором Алексеем III

Галицко-волинский князь не стоял в стороне от этих общеевропейских политических взаимосвязей. Он поддерживал активные отношения с Византией. Об этом свидетельствуют сообщения древнерусских источников. Новгородский боярин Добрыня Ядрейкович, находившийся в мае 1200 г. в столице Византии, видел там послов «от великого князя Романа», которых возглавлял боярин Твердыга Остромирич<sup>83</sup>. Согласно свидетельствам византийского историка и царедворца Никиты Хониата, переговоры с галицко-волинским князем завершились заключением союзного соглашения, направленного против половцев<sup>84</sup>, следствием которого стали новые походы к Степи, осуществленные Романом<sup>85</sup>.

По традиции того времени соглашение 1200 г. было скреплено браком галицко-волинского князя с родственницей византийского императора<sup>86</sup>, которой, как уже отмечалось, есть веские основания считать дочь императора Исаака II Анну.

<sup>78</sup> Albrici monachi Triumphontium Chronikon. P. 881.

<sup>79</sup> Norwich J. J. Byzanz. Der Aufstieg des oströmischen Reiches. Gamburg; Düsseldorf; München, 1993. Bd. III. S. 186–222.

<sup>80</sup> См.: Васильев А. А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 86, 101–102, 104–105 и др.; Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. Гл. 5, 6.

<sup>81</sup> Runciman S. Geschichte der Kreuzzüge. München, 1978. S. 866–898; Csendes P. Philipp von Schwaben. Ein Staufer im Kampf um die Macht. 2003. S. 28, 121, 134.

<sup>82</sup> См.: Waas A. Geschichte der Kreuzzüge. Freiburg, 1956. Bd. II. S. 33 ff.; Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. Гл. 5, 6.

<sup>83</sup> Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. С. 78–79.

<sup>84</sup> Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина: В 2-х т. / Пер. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. Т. II (1186–1206). С. 246.

<sup>85</sup> Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. С. 88–89; Vasary I. Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005. P. 48–49.

<sup>86</sup> И. Граля считает, что вторая жена Романа происходила из знатного византийского рода Каматерос, родственного династии Ангелов, и носила имя Мария (Grala H. Druge małżeństwo Romana Mściławowicza // Slavia Orientalis. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 126).

Согласно сообщению польского хрониста XV в. Яна Длугоша, после завоевания Константинополя крестоносцами свергнутый византийский император Алексей III (которого Длугош именует Аскариусом) бежал в Галич, где был с почетом принят Романом Мстиславичем<sup>87</sup>.

Историки неоднозначно относятся к этому известию: некоторые воспринимают его с доверием<sup>88</sup>, но высказываются и серьезные сомнения по поводу возможности подобного факта<sup>89</sup>. Пребывание Алексея III в Галиче отрицает Н. Ф. Котляр, пытаясь с опорой на византийские и западноевропейские источники проследить деятельность экс-императора от побега из осажденного Константинополя в июне в 1203 г. и до самой смерти в 1211 г. Исследователь устанавливает, что после неудачных попыток вернуть себе византийский трон Алексей попал в плен к Бонифацию Монферратскому и в 1205 г. был вывезен к его владениям в Италии<sup>90</sup>.

Однако такая версия не учитывает одной важной детали. По данным Никиты Хониата, представляющего наиболее подробные и точные сведения, в сентябре 1203 г. Алексей, бежав из Константинополя, недолго находился в Адрианополе, но дальше (после взятия города новым императором Алексеем IV) на некоторое время следы его теряются; бывший правитель опять появился в поле зрения Хониата лишь в апреле 1204 г. в городе Ларисса в Фессалии<sup>91</sup>.

Эта лакуна может быть заполнена благодаря свидетельству другого современника событий — автора анонимной хроники под названием «Балдуин Константинопольский» (первая четверть XIII в.), из которой известно, что вскоре после побега из Константинополя Алексей III оказался в Болгарии у царя Ивана Калояна. По крайней мере, такими сведениями располагали крестоносцы, специально разыскивавшие беглеца: «И так войдя в Константинополь и разыскивая Алексея, [крестоносцы его] не нашли, так как вместе с пятью тысячами людей [он] бежит к Иоанну, королю Валахии»<sup>92</sup>.

Приведенное свидетельство имеет важное значение и используется исследователями для изучения истории византийско-болгарских отношений во время Четвертого Крестового похода<sup>93</sup>. Болгарский царь Иван Калоян, получивший в 1204 г. от папы Иннокентия III титул «короля Болгар и Влахов», играл значительную роль в борьбе с крестоносцами: вскоре в битве при Адрианополе 14 апреля 1205 г. он нанес сокрушительное поражение армии Латинской империи и взял в плен ее императора Балдуина I<sup>94</sup>. Возможность тесных контактов Алексея III с болгарским царем подтверждается и тем фактом, что в 1204 г. значительная группа византийских аристократов из окружения свергнутого императора обратилась к Калояну за военной поддержкой; именно благодаря союзу со знатью Фракии последний осмелился в 1205 г. начать войну с латинянами<sup>95</sup>.

<sup>87</sup> Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, перевод, комментарий. С. 343. Из труда Яна Длугоша эта информация перешла в сочинения Мартина Кромера (*Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warmińskiego*. Sanok, 1857. Т. I. S. 360) и Мартина Бельского (*Kronika Marcina Bielskiego*. Sanok, 1856. Т. I. S. 228), а также в Густыньскую летопись, которая именует императора не Аскариусом, а Алексеем (ПСРЛ. СПб., 2003. Т. XL. С. 108).

<sup>88</sup> Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 96; Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 445; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII в. М., 1993. С. 515; Толочко П. П. Київська Русь. Київ, 1996. С. 59.

<sup>89</sup> Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 12; Grala H. Tradycja dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // Kwartalnik Historyczny. 1986. R. XCIII. № 3. S. 643, 654.

<sup>90</sup> Котляр М. Ф. До питання про втечу візантійського імператора в Галич у 1204 р. // Український Історичний журнал. 1966. № 3; Котляр М. Ф. Дипломатія Южної Русі. С. 89–97.

<sup>91</sup> Никита Хониат. Історія со времени царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 283, 296–297, 374, 385.

<sup>92</sup> «Et sic intrantes Constantinopolim et Alexium quaerentes minime inveniunt; nam cum quinque millibus hominum fugam capit versus Johanem, regem Valahiae» (Balduinus Constantinopolitanus // Fontes rerum Austriacarum. Diplomataria et acta. Wien, 1856. Vol. XII. P. 297).

<sup>93</sup> Prinzing G. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204–1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels infolge des 4. Kreuzzuges. München, 1972. S. 1–14.

<sup>94</sup> См.: Каждан А. П., Литаурин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 235–237; Паскалев В. История на България. София, 1979. Т. 3. С. 139–144; Петров П. Възстановяване на Българската държава. 1185–1197. София, 1985. С. 326; Мутафчиев П., Гюзелев В. История на българския народ: 681–1323. София, 1986. С. 274; Ангелов П. Българската средновековна дипломатия. София, 1988. С. 103, 123, 125; Ангелов Д., Чолпанов Б. Българска военна история от втората четвърт на X до втората половина на XV в. София, 1989. С. 89–90; Ангелов Д. Византия: политическа история. Стара Загора, 1994 (Българската народност през вековете). С. 249–254.

<sup>95</sup> Prinzing G. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204–1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels infolge des 4. Kreuzzuges. S. 8 f.

Сообщение анонимной хроники дает основания считать, что прежний император Византии Алексей III в период после сентября 1203 и до апреля 1204 г. (т. е. около полугода) находился в пределах болгарских владений с целью поисков военных союзников против крестоносцев. Следовательно, он имел достаточно времени и возможностей для прямых отношений с соседним Галицко-Волынским княжеством и даже для личного посещения Галича.

Таким образом, есть достаточные основания считать, что галицко-волынский князь Роман Мстиславич имел прямые контакты и собственную позицию в отношениях с византийским императором Алексеем III, а также, очевидно, с его соперником и преемником Алексеем IV. Попытки первого из них найти военных союзников в Болгарии и на Руси остались без ощутимых результатов, что вскоре и привело его в плен к крестоносцам. Это обстоятельство как будто свидетельствует о более благосклонном отношении Романа Мстиславича к новому императору Византии Алексею IV, что выглядит как дополнительное (хоть и косвенное) подтверждение предположения о браке с его сестрой — дочерью Исаака II Анной.

Интересы русского князя в известной мере должны были учитывать творцы европейской политики и дипломатии. Позиция Романа в конфликте Штауфенов с Вельфами, по-видимому, была сложнее и зависела от решения византийского вопроса, т. е. от результатов Четвертого Крестового похода, от которых в значительной мере зависела и политическая судьба Штауфенов, в первую очередь их влияние в решении внутривосточных дел в Германии и отношениях с Римом.

### 8. Борьба за власть в Священной империи

Попробуем теперь определить основные черты политического противостояния, происходившего во время рассмотренных событий в немецких землях и имевшего на них непосредственное и во многом определяющее влияние. Оно, как уже отмечалось, было связано с новым витком борьбы за верховную власть в Священной империи между Штауфенами и Вельфами, развернувшейся на рубеже XII—XIII в.

После внезапной смерти императора Генриха VI (28 сентября 1197 г.) среди немецких князей появились два претендента на королевскую и императорскую корону и началась ожесточенная борьба между сыном императора Фридриха I Барбароссы швабским герцогом Филиппом (династия Штауфенов) и сыном саксонского герцога Генриха Льва, брауншвейгским графом Оттоном (династия Вельфов). Эта борьба расколола немецкую знать на два лагеря и привела к тому, что в 1198 г. сторонники Штауфенов и Вельфов провели параллельные выборы, избрав сразу двух королей — Филиппа и Оттона. Новый римский папа Иннокентий III встал на сторону Вельфов, и при его поддержке в марте 1201 г. король Оттон был провозглашен новым императором под именем Оттона IV<sup>96</sup>.

Папское подтверждение прав Оттона поколебало положение его противников. Вскоре новый император приобрел поддержку большинства немецких князей и в конце 1202 г. достиг апогея своего могущества. Под контролем его главного соперника короля Филиппа оставался только город Эрфурт с округой. Но положение Вельфов оказалось слишком непрочным, и уже в следующем году на сторону Штауфенов перешли ландграф Тюрингии, архиепископ Кельна, герцог Брабанта, король Чехии и др. Иннокентий III, наконец, также изменил свою позицию и стал склоняться в пользу Штауфенов. Противостояние длилось вплоть до гибели короля Филиппа в 1208 г.<sup>97</sup>

Переломным в борьбе за верховную власть в Германии стал 1204 г. Одержав победу на Востоке, король Филипп (влияние которого значительно укрепилось после завоевания крестоносцами

<sup>96</sup> Подробный обзор событий см.: *Winkelmann E. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig. Leipzig, 1873—1878. Bd. I—II. Из новейших работ см. специальные исследования Ф. Кемпфа и Э. Босхофа: Kempf F. Innocenz III. und der deutsche Thronstreit // Archivum Historiae Pontificiae. 1985 / Bd. 23. S. 72—91; Boshof E. Innozenz III. und der deutsche Thronstreit // Papst Innozenz III. Weichensteller der Geschichte Europas / Hrsg. von T. Frenz. Stuttgart, 2000. S. 51—67.*

<sup>97</sup> Этому вопросу посвящена значительная научная литература. Из работ последнего времени см.: *Töpfer B. Philipp von Schwaben und Otto IV. // Deutsche Könige und Kaiser des Mittelalters / Hrsg. von E. Engel und E. Holtz. Köln; Wien, 1989. S. 197—209; Höflinger K. König Philipp von Schwaben (1198—1208) und Kaiser Otto IV. (1198—1218) // Mittelalterliche Herrscher in Lebensbilder. Von den Konradinern zu den Staufern / Hrsg. von K. R. Schnith. Graz; Wien; Köln, 1990. S. 308—321; Eickels K. van. Otto IV. (1198—1218) und Philipp (1198—1208) // Die deutschen Herrscher des Mittelalters. Historische Portraits von Heinrich I. bis Maximilian I. (919—1519) / Hrsg. von B. Schneidmüller und S. Weinfurter. München, 2003. S. 273—292; Krieb S. Vermitteln und Versöhnen. Konfliktregelung im deutschen Thronstreit 1198—1208. Köln; Weimar; Wien, 2000 (Norm und Struktur. Bd. 13). См. также: *Gropper K. Die Doppelwahlen von 1198 und 1257 im Spiegel der Historiographie. Neuried, 2002 (Politik im Mittelalter. Bd. 11).**

Константинополя) перешел к решительным действиям в отношении своих противников на Западе, применяя как дипломатические, так и военные средства. На протяжении года он вынудил ландграфа Тюрингии Германа (который неоднократно менял свои политические ориентиры, перебегая от Штауфенов к Вельфам) и короля Чехии Пржемысла встать на свою сторону, осуществив поход по их землям. В конце 1204 г. Филипп одержал важную дипломатическую победу, сумев привлечь на свою сторону кельнского архиепископа Адольфа фон Альтену, сыгравшего в свое время решающую роль в коронации Оттона и бывшего непримиримым врагом Штауфенов. Уверенный в своих силах, Филипп демонстративно сложил с себя королевский сан и объявил новые выборы, которые состоялись 6 января 1205 г. в городе Ахене. Филипп вновь был избран королем и сразу же коронован кельнским архиепископом в ахенской церкви пресв. Богородицы с соблюдением всех требований древнего ритуала<sup>98</sup>.

Поход Романа Мстиславича в Саксонию — главную вотчину Вельфов — летом 1205 г. полностью вписывается в контекст событий решающего этапа борьбы с ними Штауфенов, ведь именно в это время Филипп готовился нанести удар по еще одному оплоту Вельфов, по-видимому, важнейшему в то время, — городу Кельну, жители которого в отличие от своего архиепископа твердо поддерживали Оттона, так как имели тесные торговые связи с Англией и находились под влиянием короля Иоанна Безземельного, решительного сторонника Вельфов. Вскоре после гибели Романа, в сентябре 1205 г. Филипп начал осаду Кельна, жители которого оказали решительное сопротивление. Город взять не удалось, но во время столкновений Оттон был тяжело ранен, после чего остатки его сторонников и даже его собственный брат рейнский пфальцграф Генрих перешли к Филиппу. 27 июля 1206 г. в битве у Вассенберга (западнее Кельна) войска Филиппа одержали полную победу над войсками Оттона<sup>99</sup>.

### 9. Отношения с польскими князьями

В. Т. Пашуто, объясняя причины гибели Романа во время похода в 1205 г., допускает, что галицко-волынский князь сознательно вмешался в польско-немецкие политические отношения. По мнению исследователя, малопольский князь Лешко Белый был тогда союзником Вельфов, и, таким образом, в битве под Завихостом он отстаивал интересы последних, не давая Роману добраться до Саксонии<sup>100</sup>. Такое же мнение выражал в свое время и В. Абрахам, также считая Лешка Белого союзником Вельфов<sup>101</sup>. Подобные предположения высказываются и в современной литературе<sup>102</sup>. Однако историки никак не объясняют, на чем основывается такая версия. Более того, проанализировавший широкий круг источников Б. Владарский уже давно полностью ее опроверг, доказав, что нет никаких данных о существовании союзных договоренностей между Лешком и Оттоном IV<sup>103</sup>.

Отсутствие каких бы то ни было следов союзнических отношений Лешка с Оттоном стало для Б. Владарского важным аргументом к тому, чтобы признать известие Хроники Альбрика о походе

<sup>98</sup> В первый раз Филипп короновался по несколько иным правилам, что предоставило его противникам удобный повод оспаривать эту коронацию, апеллируя к римскому папе. См.: *Stehkämpfer H.* Der Kölner Erzbischof Adolf von Altena und die deutsche Königswahl (1195–1205) // *Beiträge zur Geschichte des mittelalterlichen deutschen Königtums* (Historische Zeitschrift. Beiheft. NF. Nr. 2). München, 1973; *Stehkämpfer H.* Über das Motiv der Thronstreit-Entscheidungen des Kölner Erzbischofs Adolf von Altena 1189–1205. Freiheit der fürstlichen Königswahl oder Aneignung des Mainzer Erzkurrechts? // *Rheinische Vierteljahresblätter*. 2003. Bd. 67; *Krieb S.* Vermitteln und Versöhnen. Konfliktregelung im deutschen Thronstreit 1198–1208.

<sup>99</sup> Кроме уже указанной литературы см. также новейшие исследования биографии Филиппа Швабского и политических отношений его времени: *Schütte B.* König Philipp von Schwaben. Itinerar – Urkundenvergabe – Hof. Hannover, 2002 (Monumenta Germaniae Historica Schriften. Bd. 51); *Csendes P.* Philipp von Schwaben. Ein Staufer im Kampf um die Macht. Darmstadt, 2003 (Gestalten des Mittelalters und der Renaissance).

<sup>100</sup> *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 165.

<sup>101</sup> *Abraham W.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. S. 99.

<sup>102</sup> *Щавелева Н. И.* Древнерусские известия Великопольской хроники. С. 62; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.). С. 269. При этом А. В. Назаренко ссылается на известную работу Б. Владарского (*Włodarski B.* Polska i Rus. 1194–1340), однако на указанных им страницах (S. 21–22) вообще не говорится о событиях 1205 г. Вопросы, связанные с походом Романа на Польшу, Б. Владарский рассматривает в другом месте своего исследования (начиная с S. 25) и приходит к совершенно противоположным выводам.

<sup>103</sup> *Włodarski B.* Polityka Ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. S. 19–23; *Włodarski B.* Polska i Rus. S. 26.

Романа в Саксонию недостоверным: если бы галицко-волинский князь действительно ставил такую цель, об этом должны были бы знать, считал исследователь, польские хронисты и русские летописцы. Особенно это касается составителей польских рочников и учредительного документа алтаря св. Гервазия и Протасия, созданного Лешком по случаю победы над Романом, которая имела место в день памяти названных святых (19 июня). Попечителем именно этого алтаря в конце XV в. был известный польский историк Ян Длугош, который не преминул бы отметить такую важную деталь в своем обстоятельном рассказе о походе Романа, как не прошли бы мимо столь значительного для внешней политики Руси факта и русские летописцы<sup>104</sup>.

Нам представляется, что подобные соображения опровергаются достаточно простыми контраргументами. Польские правители, как и их хронисты, могли вообще не знать о подлинных намерениях Романа и целях его похода. Ведь планы галицко-волинского князя относительно военного взаимодействия с королем Филиппом должны были держаться в секрете, чтобы задуманный удар по Саксонии нанести внезапно. Для этого нужно было исключить вероятность утечки информации, особенно ввиду возможных доброжелательных отношений кого-нибудь из польских князей к Вельфам и их почтительного отношения к Риму.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что составители польских хроник не знали о действительных планах Романа и удивлялись по поводу неожиданной агрессии и вероломства русского князя<sup>105</sup>. Ведь и древнерусские летописцы не знали о его далекоидущих устремлениях, изображая дело как обычный военный поход на Польшу, во время которого были захвачены два польских города<sup>106</sup>. Собственного Романова летописания, как известно, не сохранилось, а в далеком Суздале, вполне естественно, могли и не знать о тайных намерениях галицко-волинского князя.

Не исключено, что у конфликта Романа с Лешком и Конрадом был и еще один мотив, который непосредственно вытекал из ситуации в русско-польских отношениях первых лет XIII в. Приблизительно через год после гибели Романа во время встречи с его вдовой Анной Лешко Белый высказывал предположение, что к войне с галицко-волинским князем привели провокационные действия некоего Володислава<sup>107</sup>. Большинство исследователей считают, что им был великопольский князь Володислав Лясконогий, сын князя Мешка III, пыгавшегося распространить свою власть на Краков и Малую Польшу<sup>108</sup>.

Но этот мотив никак не исключает возможности других, более весомых, на наш взгляд, причин похода 1205 г., о которых мало кто знал как в Польше, так и в самой Руси. Вместе с тем вполне вероятно, что о тайных отношениях и планах Романа и Филиппа могли знать французские союзники последнего, поддерживавшие линию Штауфенов во время Четвертого Крестового похода и борьбы за верховную власть в Германии, главным из которых был французский король Филипп II Август. Кроме того, подавляющее большинство французских рыцарей и сеньоров, которые были очевидцами и участниками событий начала XIII в., как мы видели, происходили из Шампани. Вместе с ними сведения о неудачном походе Романа Мстиславича, осуществленном в поддержку Филиппа Швабского, могли попасть в далекое шампанское аббатство.

<sup>104</sup> *Włodarski B.* Polska i Ruś. S. 26.

<sup>105</sup> Под влиянием средневековых хроник эта мысль стала популярной и у польских исследователей, недоумевавших по поводу того, как могло случиться, что Роман начал воевать с близкими родственниками, с которыми всегда поддерживал хорошие отношения. См.: *Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J.* Dzieje Polski średniowiecznej. Kraków, 1926. Т. 1. S. 213; *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego. S. 19.

<sup>106</sup> ПСРЛ. Т. I. Стб. 425.

<sup>107</sup> ПСРЛ. Т. II. Стб. 719.

<sup>108</sup> *Droba L.* Stosunki Leszka Białego z Rusią i Węgrami. Krakow, 1881. S. 16; *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego. S. 27; *Historia dyplomacji polskiej.* Warszawa, 1982. Т. 1. S. 144–145; *Wyrozumski J., Gierowski J. A.* Historia Polski. Warszawa, 1988. Т. I. S. 127; *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 182; *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького. С. 242. Впрочем, не исключено, что этим Володиславом мог быть и выдающийся галицкий боярин Володислав Кормильчич, враждебно относившийся к Роману (*Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 86).

## 10. Роль Ордена цистерцианцев

Следует отметить также, что составитель хроники аббатства Трех Источников монах Альбрик принадлежал к Ордену цистерцианцев, который во время своего расцвета (вторая половина XII — первая половина XIII в.) по богатству и влиянию занимал первое место среди всех католических орденов. Цистерцианская проповедь пуританской морали производила большое впечатление на современников и имела значительное влияние на развитие образования, воспитания, искусства и права. Орден развернул широкомасштабное строительство, распространяя свое влияние через сеть собственных монастырей, и успешно занимался хозяйственными делами. В начале XIII в. частично или полностью ему принадлежали уже около двух тысяч монастырей во Франции, Германии, Англии, Скандинавии, Испании, Италии, Венгрии и Греции<sup>109</sup>.

Члены ордена были постоянными участниками церковных соборов и конгрегаций по всей Европе, что способствовало обмену между ними новостями и информацией относительно наиболее важных событий не только церковной, но и политической жизни. Особенно это касается времен Четвертого Крестового похода, в организации и осуществлении которого орден играл весьма заметную роль<sup>110</sup>.

Прочные позиции орден имел в Германии: влияние идеологии цистерцианцев в конце XII — начале XIII в. испытал даже имперский дворцовый церемониал<sup>111</sup>. Для нашего исследования особое значение имеет следующий факт. Одни из важнейших территориальных центров ордена в немецких землях возникли в Саксонии и Брауншвейге<sup>112</sup>. Во время борьбы за власть Филиппа Штауфена с Оттоном IV эти земли составляли главный оплот Вельфов, и именно в Саксонию был направлен поход Романа Мстиславича. Следовательно, саксонские цистерцианцы (как и орденская братия вообще), принимая активное участие в политических делах, могли знать о враждебных намерениях русского князя. Так или иначе, не является случайным крайне негативное отношение к нему Хроники Альбрика — цистерцианца с берегов Марна, — изображающего Романа как врага церкви (чего нет, кстати, в польских источниках и что вряд ли могло соответствовать действительности).

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые подвергают сомнению сообщение Хроники Альбрика о походе Романа Мстиславича потому, что оно «несет достаточно тенденциозную нагрузку. Древнерусский князь, — замечает А. Б. Головкин, — изображается в ней как „мнимый христианин“, которому хронистом приписывается стремление совершить самое тяжелое преступление — разрушение христианских храмов»<sup>113</sup>. Такой довод не учитывает политической направленности хроники, автором которой был цистерцианский монах, оценивавший события 1205 г. в первую очередь с точки зрения римской церкви, которая (в лице папы Иннокентия III) поддерживала тогда Вельфов. Следовательно, негативное отношение французского хрониста к личности Романа Мстиславича, который действовал на стороне Штауфенов, свидетельствует скорее в пользу достоверности сообщения о его походе на Саксонию, поскольку отвечает расстановке политических сил и взглядам участников событий того времени.

<sup>109</sup> Lekai L. Geschichte und wirken der weissen Mönche: der Orden der Zisterzienser. [S. l.], 1958; Pötschke D. Geschichte und Recht der Zisterzienser. Berlin, 1997. См. также: Sommerfeldt J. R. Studies in medieval Cistercian history. Kalamazoo, Mich, 1976; Truth as Gift: Studies in Medieval Cistercian History in Honor of J. R. Sommerfeldt. Kalamazoo, Mich, 2004.

<sup>110</sup> Brown E. A. R. The Cistercians in the Latin Empire of Constantinople and Greece, 1204–1276 // Traditio. Institute of Research and Study in Medieval Canon Law. New York, 1958. Vol. 14; Andrea A. J. Cistercian Accounts of the Fourth Crusade: Were They Anti-Venetian? // Analecta Cisterciensia. Roma, 1987. Vol. 43; Richard J. The Establishment of the Latin Church in the Empire of Constantinople (1204–1227) // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean After 1204 / Ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London, 1989. P. 52, 55, 60.

<sup>111</sup> Staab F. Reichszeremoniell und Zisterzienseraskese. Begegnungen auf dem Trifels unter Heinrich VI. und Philipp von Schwaben // Burg und Kirche zur Stauferzeit. Akten der 1. Landauer Staufertagung 1997 / Hrsg. von V. Herzner und J. Krüger. Regensburg, 2001. S. 31–46.

<sup>112</sup> О немецких представительствах ордена, их общественно-политическом и культурном влиянии см.: Winter F. Die Zisterzienser des nordöstlichen Deutschlands. Aalen, 1966; Knefelkamp U. Zisterzienser. Berlin, 2001; Eberl I. Die Zisterzienser. Geschichte eines europäischen Ordens. Stuttgart, 2002; Hauschild S. Das Paradies auf Erden. Die Gärten der Zisterzienser, Ostfildern, 2007.

<sup>113</sup> Головкин О. Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел. С. 374.



Что же касается обвинения Альбриком русского князя в намерении разрушить христианские церкви, то и оно не дает никаких оснований для сомнений в достоверности сообщения о походе в Саксонию. Подобные обвинения из уст средневековых церковных писателей — не более чем обычное литературное средство, стилистический оборот, который вообще нельзя рассматривать как информацию о реальных исторических событиях. К таким средствам церковные авторы нередко прибегали, изображая враждебные действия своих политических соперников.

В качестве примера приведем еще один из эпизодов борьбы Штауфенов с Вельфами 30-х годов XII в. Во время противостояния со швабским герцогом Фридрихом II (отцом будущего императора Фридриха I Барбароссы) немецкий король и впоследствии император Лотарь III (союзник Вельфов) с помощью чешских войск совершил нападение и ограбил город Аугсбург, который признавал власть Фридриха II. В письме к бамбергскому епископу Оттону, датированном сентябрем 1132 г., аугсбургский епископ Герман изображает действия короля и его союзников как антихристианский поступок, направленный исключительно против церкви: «... навел (король Лотарь. — А. М.) на церковь Христову врагов Христовых, людей бесчеловечных, язычников, а именно богемов и половцев, именуемых в просторечии фальвами (Valwen), которые, как это всем прекрасно известно, являются и всегда были гонителями Христа и церкви»<sup>114</sup>.

В действительности же речь шла лишь об обычной политической борьбе. Более нейтральный источник — вышеградское продолжение Хроники Козьмы Пражского — представляет дело совсем в ином свете. Ничего не говоря ни о половцах, ни о каких-то других язычниках, эта хроника сообщает о действиях чешского отряда, который был предоставлен князем Собеславом I королю Лотарю для сопровождения его в коронационном походе в Рим<sup>115</sup>. Иначе говоря, цель похода никоим образом не была связана с антицерковными мероприятиями; наоборот, своими действиями Лотарь и его союзники пытались тогда не потерять благосклонности римского папы.

### 11. Ошибочность версии Длугоша относительно причин похода 1205 г.

Вместе с тем не выдерживает критики версия польского похода Романа 1205 г., приведенная Яном Длугошем, которая до сих пор имеет сторонников среди исследователей. Согласно Длугошу, галицко-волинский князь предъявил свои претензии на Люблин и Люблинскую землю в ответ на неуплату польскими князьями Лешком и Конрадом денежной компенсации за военную помощь, оказанную им ранее. С большим войском Роман осадил Люблин, но, узнав, что Лешко и Конрад также собрали большое войско, снял осаду и направился им навстречу, грабя и разрушая попутные города и села. Попытка польских князей через своих послов уладить дело миром не имела успеха. Роман перешел Вислу в районе Сандомира и принял бой с поляками вблизи города Завихоста, в котором потерпел поражение и погиб<sup>116</sup>.

Рассказ Длугоша лег в основу многих исторических произведений XVI–XVIII в. (хроники М. Стрыйковского, М. Кромера и М. Бельского, Густынской летописи, «Истории Российской» В. Н. Татищева)<sup>117</sup>. Эта же версия господствовала в научной литературе XIX — начала XX в.<sup>118</sup>

<sup>114</sup> Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / Ed. G. Friedrich. Pragae, 1904. Т. I. P. 127.

<sup>115</sup> Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae / Ed. R. Köpke // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae, 1851. Т. IX. P. 138.

<sup>116</sup> См.: Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. S. 239–244. Русский перевод см.: Цавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 345–349.

<sup>117</sup> Strzykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiéj Rusi. S. 211–214; Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warmińskiego. Т. I. S. 371–374; Kronika Marcina Bielskiego. Т. I. S. 232–235; ПСРЛ. Т. XL. С. 110; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19–39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II–III. С. 173–174.

<sup>118</sup> Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XV века. М., 1849. С. 100; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. II. С. 562; Иванов П. А. Исторические судьбы Волинской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 158; Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa A. Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII i XIII wieku // Ateneum Wieleńskie. 1937. Т. XII. S. 20; Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 11; Гуржий I. Об'єднувач галицько-волинських земель // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVII ст.). Київ, 2002. Вип. 2. С. 410.

Свидетельство о том, что целью Романа в 1205 г. был захват польских территорий, и в частности города Люблина, принимается также некоторыми новейшими исследователями как основа для дальнейшей реконструкции исторических событий того времени. В поддержку этого приводятся соображения, которые возникают путем сравнения разных фактов внешней политики не столько самого Романа Мстиславича, сколько его сына Даниила и внука Льва, касающихся Люблинской и Сандомирской земель<sup>119</sup>.

Но версия Длугоша относительно причин Романова похода на Польшу ошибочна. Ранние польские и русские источники ничего не говорят о его материальных требованиях к польским князьям и об осаде русскими войсками Люблина<sup>120</sup>. Подобные сведения появляются лишь в источниках XV—XVI в. — в хронике Длугоша и его последователей. Все они утверждают, что в 1205 г. галицко-волынский князь потребовал от польских князей компенсации за оказанную им помощь в битве под Суходолом, которая по логике изложения должна была состояться ранее описываемых событий. В действительности же эта битва произошла 25 марта 1243 г., и в ней принимал участие не Роман, а его сыновья, которые оказывали помощь малопольскому князю Болеславу Стыдливому против мазовецкого князя Конрада<sup>121</sup>. В ходе кампании следующего 1244 г. русские войска действительно осаждали Люблин, о чем имеется отдельное сообщение в хронике Длугоша<sup>122</sup>.

Исследованиями Г. Лябуды установлено, что польский хронист XV в. перепутал и механически соединил в один рассказ два совсем разных эпизода, разделенных значительным промежутком времени: поход Романа 1205 г. и поход его сына Даниила 1244 г.<sup>123</sup> Таким образом, ни битва под Суходолом, ни осада Люблина не могут иметь отношения к внешней политике Романа Мстиславича<sup>124</sup>. Поэтому более обоснованной следует признать позицию тех исследователей, которые отказываются от версии Длугоша, отдавая предпочтение сообщениям других источников<sup>125</sup>.

## 12. Основные выводы

Таким образом, мы приходим к выводу, что внешнеполитическая деятельность галицко-волынского князя Романа Мстиславича в целом имела более значительный масштаб, чем считают некоторые современные исследователи, отрицающие его участие в важнейших общеевропейских делах своего времени, а именно в борьбе за верховную власть в Священной империи и событиях, связанных с Четвертым Крестовым походом, а также отвергающие возможность личных контактов русского князя с правителями Германии и императорами Византии, его брак с дочерью одного из последних.

На наш взгляд, нет сколько-нибудь убедительных оснований для опровержения сообщения Хроники Альбрика о том, что поход Романа 1205 г. был направлен в Саксонию. Военная акция русского князя полностью вписывается в контекст развития противостояния короля Филиппа и императора Оттона IV: именно в 1205 г. происходили решающие события, предопределившие исход борьбы между ними, и каждый из них стремился использовать военную поддержку своих иностранных союзников.

О секретных планах русского князя относительно военного взаимодействия со Штауфенами едва ли могли знать при дворах польских князей, равно как и русских князей из других земель, потому что

<sup>119</sup> Пишук В. Про похід Романа Мстиславича на Польщу 1205 р. // Галицко-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Львів, 1993. С. 97–98; Пишук В. Трагедія під Завихостом 1205 року // Республіканець. 1993. № 3. С. 22–28; Головко О. Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 181; Головко О. Б. Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел. С. 376.

<sup>120</sup> Rocznik kapitulny krakowski / Wyd. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. Т. II. Р. 800–801; Kronika Boguchwała i Godysława Paska / Wyd. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. Т. II. Р. 553; Kronika Wielkopolska / Wstęp i komentarze opracowała B. Kürbisówna. Warszawa, 1965. S. 201. См. также: ПСРЛ. Т. I. Стб. 425.

<sup>121</sup> Rocznik Traski. Р. 838.

<sup>122</sup> Rocznik kapitulny krakowski. Р. 804; Rocznik Traski. Р. 838; Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1973. Ks. 7–8. S. 57.

<sup>123</sup> Labuda G. Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w Rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji. S. 34–35, 145, 148–149.

<sup>124</sup> Myśliński K. Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-włodzimierskim w XIII wieku // Nihil superfluum esse. Prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Pr. J. Krzyżaniakowej. Poznań, 2000. S. 231.

<sup>125</sup> Włodarski B. Polska i Ruś. S. 25–30; Labuda G. Dwa zamachy stanu w Polsce (1177–1179, 1202–1206). S. 103–104; Przybył M. Władysław Łaskonogi, książę wielkopolski 1202–1231. Poznań, 1998. S. 64–65.

иначе эти тайные намерения могли быть попросту раскрыты и запланированная военная акция не достигла бы ожидаемого эффекта. Следовательно, нет ничего странного, что польские рочники и русские летописи молчат о подлинных намерениях Романа, представляя акцию 1205 г. как обычный поход в Польшу.

В то же время союзники Штауфенов в Западной Европе, среди которых был и французский король Филипп II Август, а также представители шампанской знати, принимавшие участие в Четвертом Крестовом походе, могли знать о неудачной попытке короля Филиппа Швабского воспользоваться военной поддержкой своего русского родственника во время решающего столкновения с Вельфами.

В шампанском монастыре на берегах Марна могли знать о походе Романа в Саксонию еще и благодаря широкой осведомленности в делах европейской политики цистерцианской братии, а также тесным контактам ордена с Саксонией, где существовал один из главных очагов его влияния в Германии. Кроме того, составителю хроники монастыря Трех Источников был свойственен особый интерес к событиям в Польше и Центральной Европе вообще, который он проявлял в течение первых десятилетий XIII в., что, по-видимому, было связано с актуальными миссионерскими планами Ордена цистерцианцев. Интересовался Альбрик и внешней политикой немецкого короля Филиппа Швабского, в частности в период его борьбы за власть в Священной империи.

Исследователи иногда колеблются по поводу того, на чьей стороне должны были действовать отряды Романа Мстиславича, вышедшие летом 1205 г. в Саксонию, — на стороне Вельфов или Штауфенов<sup>126</sup>. Эти колебания лишь усиливают впечатление неуверенности по поводу самой возможности этого похода.

На наш взгляд, давние контакты семьи Романа Мстиславича со Штауфенами, его личные отношения с ландграфом Тюрингии Германом, который во время кампании 1205 г. уже твердо встал на сторону Филиппа Швабского, возможное посещение русским князем Эрфурта и щедрый дар монастырю св. Петра, игравшему заметную роль в политической жизни Германии и именно в противостоянии Штауфенов с Вельфами, будучи цитаделью первых, не оставляют сомнений в том, что Роман должен был действовать на стороне Филиппа (который к тому же, вероятно, приходился Роману свояком) и именно ему пытался оказать поддержку, продвигаясь в Саксонию.

Не выдерживает критики версия войны Романа Мстиславича с польскими князьями Лешком и Конрадом, представленная Яном Длугошем, который перепутал обстоятельства похода 1205 г. с событиями другого времени. Несмотря на это, нельзя полностью отрицать того, что на решение галицко-волинского князя о военном пребывании в Польше и захвате двух польских городов (о чем свидетельствуют древнерусские летописи) влияли какие-то особые мотивы, непосредственно вытекавшие из русско-польских отношений того времени.

---

<sup>126</sup> Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 221; Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.). С. 269.